



16+

Алексей Субботин

Мои рассказы о деньгах

Алексей Субботин

**Мои рассказы о деньгах. Часть I**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

## **Субботин А.**

Мои рассказы о деньгах. Часть I / А. Субботин — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Деньги - то есть концентрированное выражение экономики на уровне отдельного человека - очень важны, когда большинство членов общества пытается удовлетворить свои базовые потребности. Для более сложных потребностей деньги становятся если не тормозом, то сублимацией их удовлетворения. В свойственной ему манере самокопания автор попробовал воспроизвести свои личные отношения с этой интересной концепцией, которая, несмотря на все свои очевидные недостатки, продолжает оставаться основой нашего общества. Предлагаю вашему вниманию историю моих личных отношений с деньгами. Начало...

## Содержание

Начало	5
Сорняки и свёкла	6
Бартерные годы	10
Жизнь на стипендию в Питере	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

## Начало



Недавно прочитал заметку про жизнь в современном Китае. Там говорилось, что самого популярного коммуниста Бо Силая, губернатора самой густонаселённой провинции, якобы сняли в том числе за то, что он начал слишком рьяно морализировать граждан на подведомственных территориях. Говорят, он пытался вернуть ханьцев на путь истинный, который, по его мнению, верно изложил Великий Кормчий. Тут надо добавить, что папа этого Бо Силая был у Мао чуть ли не первым помощником.

Суть проблемы нынешнего китайского общества Бо изложил просто: отсутствие какой-либо внятной моральной основы, кроме всеобщего желания зарабатывать много денег, покупать вещи престижных западных брендов и иметь как можно больше сексуальных партнёров. Я признаться, знаменитый цитатник Мао не листал, но в общем догадываюсь про гибрид Ленина с Конфуцием – жить надо так, чтобы не было стыдно перед обществом за съеденное, сказанное и сделанное.

Однако, тут же вышла незадача – оказывается сыночек этого самого Бо в Оксфорде не просто учился, а учился на широкую руку. Не придерживается, так сказать, заветов дедушкиного друга и папиных проповедей, предпочитая обычное для молодых отпрысков знатных семейств поклонение золотому тельцу. Папу Бо, соответственно сняли, а о судьбе сына-студента история пока умалчивает.

История эта не то, чтобы поучительная – лицемерие людям издревле свойственно. Однако навела она меня на мысли определённые, вследствие чего я сам недавно такую мысль сформулировал: " Деньги – то есть концентрированное выражение экономики на уровне отдельного человека – очень важны, когда большинство членов общества пытается удовлетворить свои базовые потребности. Для более сложных потребностей деньги становятся если не тормозом, то сублимацией их удовлетворения". В свойственной мне манере самокопания, здесь я попробовал воспроизвести свои личные отношения с этой интересной концепцией под названием 'деньги', которая, несмотря на все свои очевидные недостатки, продолжает оставаться основой нашего общества.

Так что предлагаю Вашему вниманию историю моих отношений с деньгами.

## Сорняки и свёкла



Свой первый заработок я помню очень хорошо. На дворе стоял 88-й год, мне было 13 с половиной лет. Летом, как обычно, я гостил у бабушки в славном маленьком городке под названием Няндоме, что в Архангельской области, где мы целыми днями гоняли на великах, играли в пекаря, удили карасей в местном пруду, ходили за грибами и ягодами, в общем жили, как и полагалось жить детворе в те далёкие годы. Не помню откуда тем летом возникла эта идея, но как-то вдруг мысли о заработке приобрели в нашей компании всеобщие очертания.

Первым делом опрошены были родители, но быстро выяснилось, что наши трудовые ресурсы не особо востребованы. На нет и суда нет, помню подумал я тогда – деньги мне были не особо нужны просто потому, что купить тогда было нечего – одинаковую одежду покупали всем родители, велосипеды дарили на день рождения, а на мелкие радости жизни, типа кино и конфет, хватало сдачи после покупки продуктов, которую бабушка щедро разрешала оставлять себе. Тогда ещё не было ни плейстейшенов, ни сникерсов, поэтому наша жизнь, не отягощённая культом потребления, была беззаботной и радостной.

Тем не менее идея трудоустройства не давала некоторым из нас покоя. Может быть даже под влиянием пионерской литературы и идеалов типа Павки Корчагина нам хотелось казаться взрослее и ответственнее, а может быть кому-то просто хотелось новых игрушек. Так или иначе, но вскоре вся наша честная компания в количестве человек десяти уже работала на местном пищекомбинате в качестве разнорабочих.

Сначала это была просто лафа! Нашей работой было обивать деревянные ящики для лимонада, железной лентой для придания им дополнительной прочности. Это было совсем несложно, да и в большой компании сверстников работать было очень весело. Самое приятное

было в том, что лимонад можно было пить бесплатно, причём в неограниченных количествах! Надо было всего лишь подойти к выставочному окну и вежливо попросить женщину у конвейера попить. К концу первого дня я выпил, наверное, литров пять шипучего газированного напитка и был на седьмом небе от счастья – если это и есть работа, которой целыми днями занимаются взрослые, то я был готов немедленно бросить школу!

На следующее утро, начальник цеха отозвал одного из нас в сторонку и после короткого разговора забрал с собой. Наш приятель вернулся только после обеда с выражением невыносимого страдания на лице. Мы тут же обступили его с расспросами, сто да как. Он морщился, кривил лицо, но в конце концов признался, что он был в кондитерском цехе на линии по производству шербета. "Нифига себе!" – присвистнул кто-то, – "Вот повезло, так повезло!"

Дальнейшие вопросы нашего сморщенного товарища выявили ещё более удивительные факты: оказывается, для производства шербета использовалась обыкновенная сгущёнка. Обычно её привозили в больших промышленных флягах, но в тот раз, в силу неизвестных природе причин, сгущёнку привезли в обычных трёхсотграммовых жестяных баночках, которые очень-очень редко появлялись в наших продуктовых магазинах. Самое сладкое в этой истории было то, что наш приятель с самого утра сидел с консервным ножом и открывал эти баночки для того, чтобы вылить их потом в большой бак. Понятное дело, что при первой же возможности он проглотил такое количество сгущёнки, что у него слиплись не только губы, но и сами понимаете что! Это в общем-то и объясняло его скрюченный вид.

Поняв, что шанс умереть такой смертью представляется только раз в жизни, каждый из нас мысленно возжелал продолжить дело, брошенное нашим товарищем по причине недомогания. К радости двоих из нашей компании, тут же появился какой-то мужик и сказал, что для обеспечения непрерывности производства надо срочно продолжить открывать банки, для чего он забрал уже двоих из наших. С лицами, обмазанными желтой липкой субстанцией и выражением невыносимого страдания на лицах, они вернулись часа через два. И тут уже настал мой час!

К счастью, к той поре мы уже знали отличное противоядие от передоза сгущёнки – надо было выпить литр холодного лимонада! Целясь прямо в нирвану, я проследовал за мужиком в сумрак кондитерского цеха, один запах которого мог свести с ума любого, даже самого стойкого пионера! Усевшись на небольшую табуретку возле пресловутого бака со сгущёнкой, я взял открывашку в одну руку, жестяную банку в другую и быстрым движением открыл её. Посмотрев на своего приятеля, трудившегося по другую сторону бака, я быстренько огляделся и, не заметив ничего подозрительного, уверенным движением поднёс банку к губам и присосался к сгущёнке. Райское блаженство! Ни больше, ни меньше! О школе больше не могло быть никакой речи! Решено, я остаюсь работать на пищекомбинате. Буду всю жизнь открывать банки со сгущёнкой!

Работали мы споро, вскоре почти все жестяные банки были опорожнены, мы пребывали на седьмом небе от счастья, а рабочий день почти закончился. Я вышел на улицу, щедро отпил холодного лимонада и подумал, что жизнь прекрасна.

Однако, на горизонте вдруг возникло облачко в виде утреннего начальника. Он собрал нас вокруг себя и объявил, что завтра мы будем работать за территорией завода и что нам надо прийти на два часа раньше, а также сообщить родственникам о возможной задержке вечером. В тот момент я не придавал этому большого значения – надо, так надо, но оказалось, что с этого момента наша трудовая деятельность приобрела совершенно неожиданные очертания.

Наутро мы собрались у крыльца конторы. Некоторые женщины из лимонадного цеха, с кем мы уже успели познакомиться, были тоже здесь, одетые в одежду, больше подходящую для полевых работ. Вскоре во двор въехал небольшой автобус, в который мы весёлой гурьбой погрузились вместе с начальником и некоторыми другими работниками комбината. Как только автобус двинулся по пыльной дороге, начальник вышел на середину прохода и, крепко держась

за поручень, стал объяснять нам диспозицию. Выяснилось, что у пищекомбината есть подшефный совхоз, в котором выращивают всякую всячину, в том числе свёклу. И, поскольку почти все работники совхоза заняты на каких-то очень важных участках, нам предстоит помочь колхозникам прополоть посевы свёклы в количестве два гектара.

Сначала эта новость не особо меня расстроила. Совхоз тот находился по берегам огромного озера, к работе на огороде мы все были приучены с детства, на дворе стояла замечательная июньская погода. Немного удивило то, что в совхозе выращивали непривычную к северам свёклу, но, чего в жизни не бывает! По дороге мы с пацанами уже прикидывали куда пойдём купаться и можно ли будет на ночь поставить жерлицы на щуку.

Дорога делала резкий поворот на краю поля, где нас ждали несколько суровых мужиков из совхоза. Один из них, в выцветшей от солнца и дождя кепке и полу-погасшей беломориной в зубах критически осмотрел нашу пёструю бригаду. Затем он сплюнул, мрачно сказал "вот!" и, вытянув вперёд руку, широким жестом обозначил фронт работ. Наш начальник аж присвистнул от размаха – мало того, что поле было огромным, оно никоим образом не было похоже на культивируемые сельхозугодия. Земля была покрыта сорной травой высотой до полуметра, кое-где торчали яркие цветы иван-чая, а в некоторых местах пышно раскинулись лопухи – свёклы не было даже видно. Увидев на наших лицах удивлённо-вопросительные выражения, начальник задал мужику сакраментальный вопрос: "А где свёкла?"

Отбросив окурок, тот подошёл к раскинувшемуся кусту сорняков, аккуратно придавил его сапогом, наклонился и указал пальцем на три маленьких листочка красноватого цвета, жалобно ютившихся у самой земли. "Поздно посадили сеюгод!" – прокомментировал мужик. Затем он уверенным резким движением вырвал куст сорняков, притоптал землю вокруг свекольных листьев, поглядел на нас и молвил: "Вы это... тут их бросайте!" После этого он небрежно швырнул вырванные сорняки вдоль едва уловимой борозды, отряхнул руки и направился в сторону дороги.

Мы все уставились на нашего начальника, который, по ходу дел, был удивлён происходящему ничуть не меньше нас. Однако, опыт есть опыт – он быстро велел нам притащить нехитрый инвентарь из автобуса, каждому взять по борозде и начать прополку. Говорить тут действительно было нечего...

Из всего инвентаря, больше всегогодились рукавицы, поскольку сорняки были усыпаны колючками и вовсе не желали быть выдернутыми с корнем. Под палящим солнцем, грязные и потные мы тут же стали лакомым куском для оводов и мух неожиданно налетевшим невесть откуда. Самое неприятное, однако было не в этом – каждый из нас быстро выяснил, что чахоточная свеколка совершенно не держится в земле! Каждый второй кустик вылетал из земли как нитка из иголки при первой же попытке дёрнуть посильнее что-нибудь из бурно растущего вокруг сорнякового племени. Испробованные в качестве альтернативы попытки действовать тяпкой почти в ста процентах случаев приводили к немедленной гибели полезного корнеплода.

Ситуация накалялась. Снующий вокруг начальник вдруг начал орать на одного из наших, когда, не найдя ни одного свекольного ростка на прополотой борозде, вдруг понял, что парень просто выдрал нахрен всю свёклу вместе с сорняками. Был дан приказ свёклу не выдирать. А как это сделать, если она, сволочь, в земле не держится? Разброс производительности тоже не внушал оптимизма – кто-то уже продвинулся метров на пятьдесят, а кто-то всё ещё копался почти у самой дороги. Связь между скоростью и количеством оставшейся свёклы не вызвала ни у кого сомнения. Начальник мудро решил возглавить сей анархический процесс и стал время от времени подходить к отстающим, приговаривая: "Давайте ребятки побыстрее! Если густо где посеяно, вы и свёклу проряжайте..." После этих слов у свёклы не оставалось ни одного шанса дозреть до борща или хотя бы винегрета. Постепенно наши ряды выровнялись, и начальник отправился к биваку, где женщины уже что-то готовили на костре.

Через пару часов нас позвали обедать. Физический труд на свежем воздухе изрядно способствует аппетиту! Щи, картошка с тушёной и компот. Искупаться до обеда, поваляться в тенёчке минут двадцать, осмотреть свежие мозоли, царапины и ссадины. Ещё разок искупаться и опять в поле. Пока солнце не начнёт клониться к закату. Опять в воду, кружка чаю с шербетом и домой, чтобы утром снова выйти на борьбу со свёклой. Ни о какой рыбалке речи уже не было...

Так и пролетели почти две недели моего лета. Когда поле со свёклой закончилось, мы провели ещё день или два на территории пищекомбината. Быть взрослым мне расхотелось. В тот день, когда начальник объявил, что наша работа закончена, расчёт мы получим в бухгалтерии и милости просим на следующий год. Сжав в кулаке два червонца с монетами, я покидал пищекомбинат со смешанными чувствами. На новый велосипед денег всё равно не хватало, да и старый меня вполне устраивал. К тому же лимонад уже тоже приелся.

На следующее утро мы с приятелем и его отцом уехали на три дня на рыбалку на дальнее озеро. Через неделю я уже почти забыл о свёкле и пищекомбинате. Но я до сих пор помню, как потратил те деньги: в августе, по профсоюзной путёвке, я с мамой поехал в Киев и там в магазине "Электроника" купил первые советские электронные часы за 21 рубль. Столько времени прошло, а я это время до сих пор помню.

## Бартерные годы



Сейчас уже в это верить с трудом, но в 1990 году деньги были мне фактически не нужны. Не то чтобы я был бесребреником, просто не было никаких товаров или услуг, которые можно было бы приобрести за деньги.

В те, не такие уж и далёкие времена, советская власть дошла до того, что даже хлеб был по карточкам – такие небольшие календарные квадратики, отпечатанные на коричневой оберточной бумаге, где продавщицы крестиком вычёркивали отоваренные дни. Было ещё множество талонов: на чай, сахар, мыло, крупу, сигареты и вообще все товары народного потребления. Отоварить эти талоны было чрезвычайно сложно – в магазине как минимум надо было отстоять огромную очередь, в одни руки давали ограниченное количество товара, а про качество никто даже и не заикался: бери, что дают!

Я помню, как однажды мама принесла с работы коробку с гуманитарной помощью, которую в те времена присылали из Германии. В простой картонной коробке была большая жестяная банка сухого молока, макароны, несколько килограммов разных круп, пачка сахара, банка кофе и куча консервов в необычно ярких жестяных банках. Конечно, неприятно было ощущать себя настолько бедным, что люди дают тебе еду, но у меня, лично, благодарность перед заботливыми и совсем неизвестными мне людьми из далёкой страны намного превышала чувство обиды. Хотелось есть и выжить.

Тогда повсеместно расцветал чёрный рынок, те у кого были возможности, доставали продукты по блату. Но это было заботой родителей – а нам пятнадцатилетним пацанам, выросшим на Севере, к дефициту было не привыкать – народ тогда жил небогато, больше надеясь на собственные силы, нежели на советскую власть.

Все копались на огородах, заготавливали грибы-ягоды. Была даже специальная система так называемых "чеков", которые выдавали за собранные ягоды или ещё какие-либо редкие дары природы. Помню, как знакомые мужики ездили в мае заготавливать ивовую кору, из которой потом какие-то лекарства делали. За одну ходку, денег можно было заработать на новый мотоцикл, который по тем же "чекам" продавался вне очереди, также, как и импортная техника, шубы и прочие материальные воплощения мечтаний советских тружеников.

Павловская реформа в январе 1991 года поставила окончательный крест на советских деньгах. Отменили самые красивые купюры – фиолетовые двадцатипятирублёвки. Сбербанк

заморозил вклады, кинув всех своих вкладчиков, а потом в апреле правительство почти в три раза повысило цены практически на все товары.

Но это были заботы родителей, наш масштаб был поменьше – лишь бы день простоять да ночь продержаться. Будущее для большинства из моих друзей чётко выражалось словом из пяти букв: "армия". Мы жили тогда настоящим, не зная прошлого и не думая о будущем. И деньгах мы тоже не думали.

Я вот помню – проснёшься утром, выпьешь чая с вареньем, и во двор к друзьям. Если погода хорошая, то всей компанией на великах купаться. А в сезон, если на дворе пятница, какой-то праздник или просто настроение такое – то можно было поехать в лес или на болота, насобирать ведро морошки, отвезти его на вокзал бабкам, продававшим ягоды пассажирам проходящих мимо поездов.

В этот момент включалась всеобщая система бартера – с обмена твоего товара на единицу всеобщего эквивалента: пол-литровую бутылку водки. В дальнейшем бутылку можно было обменять на десять пачек сигарет "Прима" (без фильтра) или пять пачек "Космоса" (с фильтром). Труд тоже стоил бутылку – вскопать огород под картошку, наколоть двор – всё стоило бутылку водки. Распилить машину дров – две бутылки, потому что нужна была бензопила.

Теоретически, бутылку водки можно было обменять на деньги, но смысла большого это не имело, так как в магазинах всё равно ничего не было, а водка постоянно дорожала. Бывали, конечно, и тут исключения – по какому-то секретному графику (тем не менее известному почти каждому жителю города) на станцию прибывал "Дядя Ваня".

Это был весьма интересный феномен – подойдя в нужное время к определённом вагону где-нибудь на задворках станции, можно было обнаружить группу людей с мрачными лицами и пустыми трёхлитровыми банками в руках. В какой-то момент стенка вагона отодвигалась в сторону, открывая стоящие внутри ящики с портвейном. Не теряя времени, мужики из бригады сопровождения начинали торговлю. Они брали у страждущего гражданина деньги, потом банку, ловко откупоривали бутылки, сливали портвейн в банку, а потом ставили пустую бутылку обратно в ящик, предварительно треснув по ней монтировкой. Типа, разбилась при перевозке.

Как вы уже заметили тема добычи алкоголя беспокоила нас тогда не меньше, чем наших американских сверстников из кинофильмов, которые предприимчивые комсомольцы крутили в видеопрокатах, внезапно появившихся почти повсюду. Сеанс стоил один рубль и вскоре это стало основной статьёй расходов (после алкоголя конечно!)

Нам открылся прекрасный новый мир населённый чаком, шварцем, брюсом, вандаммом и сталлонне. Были ещё и комедии и, конечно, эротика: эммануль, джой и любимые всеми шведки из далёкого Гамбурга. Попасть на поздние сеансы было не просто, но мы не сдавались. С нынешним интернетом те фильмы "для взрослых" конечно не сравнить, но для нас они открыли новый мир.

С нашими сверстницами женского пола мы пересекались тогда только на дискотеках. Мероприятия это были (да и сейчас, наверное, остаются) весьма суровыми. Сначала надо было где-то достать выпивки и сигарет. Выпив, требовалось без происшествий добраться до места проведения танцев, желательно не подравшись по дороге с какими-нибудь пьяными подростками. Заплатив по рублю с носа можно было проникнуть в темный зал, где играла так любимая сейчас всеми попса восьмидесятых. Редко когда обходилось без драк, но поскольку все друг друга знали, особой жестокости, я не припомню. Также, как и того, чтобы хоть раз в нашей компании появлялись девочки. Но не о девочках сейчас речь, а о деньгах или даже деньгозаменителях.

Почти всё лето 1991 года я провёл на даче у своего дяди в прекрасном курортном посёлке "Солнечное", что всего в пяти минутах пути от воспетого советской эстрадой Комарова. У дяди с тётей в своё время родилась тройня: две девочки и мальчик. По этому поводу советское госу-

дарство выдало семье молодого специалиста трёхкомнатную квартиру в центре Ленинграда. Потом на лето стали выдавать маленькую дачу в Солнечном, где у завода, на котором работал мой дядя было подсобное хозяйство. В какой-то момент времени моя тётя стала работать бухгалтером в этом маленьком колхозе, состоявшем человек из двадцати. Там были огромные теплицы, в которых выращивали огурцы, плюс несколько теплиц поменьше с помидорами, два поля с клубникой и бесконечные плантации картофеля, которые засеивались и пожинались силами шефствующих организаций (смотри мой рассказ про свёклу!)

Тем летом я вместе со своими кузинами и кузенком устроился подсобным рабочим. Нам с братом выделили две теплицы с огурцами и одну с помидорами, и мы прошли весь путь агрария – начиная с маленьких листочков рассады и заканчивая сбором до двухсот килограмм урожая в день. Работа была не сказать, что тяжёлая, но со своей спецификой – проводить по полдня в душной жаркой теплице, среди колючих огурцов и жужжащих пчёл, не самое приятное занятие для молодых пацанов.

Другая проблема заключалась в мизерной зарплате. Мы работали скорее просто для того, чтобы работать, помочь тётке и дяде. Если мне не изменяет память – заработанного за всё лето хватило на приобретение джинсовой курточки и футболки "Металлика" на барахолке на Сенной площади. На пепси и мороженое мы зарабатывали, сдавая пустые бутылки из-под пива, которые во множестве валялись в лесочке возле пляжа. Сами пьянствовали мы тогда редко – во-первых, родители всегда были рядом, а во-вторых, вдвоём как-то неинтересно было. Да ещё работа с утра.

Но тем летом я провёл бартерную сделку года, которая позволила нам с кузенком прекрасно провести лето попивая пепси и наслаждаясь вкусом тогдашнего пломбира. Дело в том, что той весной того года мой папа, будучи, прекрасным специалистом, прилично владеющим английским на был направлен в командировку в ФРГ. Он провёл там всего неделю, но на сэкономленные суточные привёз домой двухкассетный магнитофон, плеер и десяток кассет. А ещё он привёз мне в подарок наручные электронные часы с калькулятором. Это выглядело чрезвычайно круто, но было совершенно непрактично. Носил я их редко, и не помню уже по какому поводу эти часы оказались на моей руке в тот июньский день.

Шел дождь, и мы с кузенком отправились в местный видеосалон, где днём к телевизору подключали самодельный компьютер "Синклер", превращая его в некое подобие игровой приставки с самопальным джойстиком, сделанным из пластиковой мыльницы. Народу совсем не было. Быстро проиграв все имеющиеся в наличие деньги, я просто стоял рядом с мерцающим экраном, швыряя носом.

"Чего, денег нет?" – с усмешкой спросил толстоватый владелец салона.

"Нету..." – честно признался я.

"А что это за часы у тебя такие?" – напористо спросил он, косясь на моё запястье.

Я инстинктивно одёрнул руку. Потом посмотрел на часы.

"Электронные. С калькулятором. Отец из ФРГ привёз", – с достоинством ответил я.

"Почём продаёшь?" – огорошил меня вопросом мужик.

"Да я вообще-то не продаю..." – неуверенно пробормотал я в ответ. Таких мыслей в моей голове точно не было.

Слова лавочника заставили меня задуматься. Часы мне были объективно не нужны. Даже с калькулятором. С другой стороны, это был отцовский подарок. В принципе, я всегда мог сказать, что потерял часы или что у меня их украли... Опять же я понятия не имел сколько они стоили. Ни в рублях, ни в бутылках водки.

"Дай посмотреть?" – прервал мои размышления торговец. "Да, не бойся! Не украду". – тут же добавил он, видя моё смущение.

Я нехотя расстегнул ремешок и передал ему часы.

"Вот тут калькулятор включается", – с важным видом начал я, нажимая на какие-то кнопки.

Часы мужику явно понравились. Выглядели они почти как новые из-за того, что надевал я их редко, и на его мясистой руке они смотрелись очень даже органично.

"Давай так – ты мне часы, а я вас на все фильмы буду пускать бесплатно, если места свободные будут конечно!" – выдал он мне своё предложения, любуясь часами на вытянутой руке.

Звучало это довольно привлекательно. До конца лета оставалось еще больше двух месяцев, которые я собирался провести в Солнечном. В салоне было по три сеанса в день по будням и пять по выходным. При желании, мы могли бы просмотреть такое количество фильмов, что даже в голове не укладывалось. Подобные же мысли ясно читались в широко раскрытых глазах моего кузена. Но всё же отцовский подарок...

"И ещё на компьютере играть, когда никого нет!" – сказал я тоном купца, заключавшего миллионную сделку на Сорочинской ярмарке.

"Только по будням!" – владелец видеосалона смотрел мне прямо в глаза.

"Хорошо!" – уверенно сказал я и пожал ему руку.

Не помню, что за фильм мы смотрели тем вечером. И сколько всего их было тем летом. Спустя месяц, мужик при виде нас морщился, но договор выполнял неукоснительно. Я ни разу не пожалел, что согласился на ту сделку, а недовольный вид лавочника только добавлял мне уверенности в правильности сделанного мной выбора.

А вот что я сказал про судьбу часов родителям, я не помню. Соврал наверное...

Лето прошло, наступила осень. Последний школьный год. Денег не было ни копейки и каких-либо ценностей тоже. Даже на видеосалоны приходилось клянчить рубли у родителей. Единственные деньги, которые были тогда в цене – это пятнадцатикопеечные монеты – на них можно было играть в автомат с машинками, установленный в холле гостиницы "Беломорская". А потом и он сломался.

Так и прошли мои тинейджерские годы – совсем без денег. Жалею ли я об этом? Тогда да, а даже не знаю...

## Жизнь на стипендию в Питере



К моменту окончания школы, я твёрдо решил покинуть свой родной город. Целью был выбран Ленинград, в основном, потому что там жил мой дядя со своей семьёй. Блата ни у меня, ни у дяди не было и в помине, просто хорошо было иметь хоть кого-то знакомого в то беспокойное время.

История поступления в финансово-экономический институт имени Вознесенского (в просторечии – финэк), безусловно, заслуживает отдельного повествования, а здесь, как и обещано, речь пойдёт о деньгах. А именно о стипендии как источнике финансирования жизни студента.

При советской власти стипендии были не очень большие, рублей двадцать максимум. Отличники и активисты получали чуть больше, но ненамного. Однако к моменту моего поступления, советская власть уже почти закончилась, а новая пока не началась. Так что получали мы те же двадцать рублей, но уже с задержками. В 1992 инфляция разогналась до двадцати с лишком процентов в месяц, что значительно обесценило те двадцать рублей, что нам причитались. Чтобы не быть голословным – простой пример: сейчас одна поездка в питерском метро стоит 27 рублей. А тогда стоила 5 копеек. Учитывая деноминацию 1998 года, получается, что метро подорожало в пятьсот сорок тысяч раз. Это и есть инфляция.

Наш курс был последним, который был отправлен на картошку. На двери факультета, рядом со списком зачисленных, почти сразу же вывесили приказ об обязательной учебной командировке в деревню Худанки “для помощи подшефному совхозу”. Из 130 зачисленных студентов, приехали человек 80 – остальные откосили по здоровью или ещё бог знает как. По приезду, кого-то отписали работать на кухню, человек десять самых здоровых парней записались в грузчики, остальных разбили на пять бригад для полевых работ.

Предполагалось, что каждая бригада выберет своего бригадира. Когда мы отошли в сторону, оказалось, что желающих стать бригадиром нет. Одна из девушек, весьма симпатичная Вероничка, непофеминистски заявила, что руководителем должен быть мужчина. Особых возражений не последовало. Вместо этого повисла странно-гнетущая тишина. Тут один из студентов, с кем я успел познакомиться в пути, сказал как бы в шутку: “Лёха, давай ты бригадиром будешь – у тебя вон и куртка бригадирская уже есть!” Неожиданно идею поддержали. Я совсем не возражал, отчасти из-за того, что потёртая кожаная куртка комиссарского фасона, найденная в дядиной кладовке, выглядела действительно круто. Так или иначе, вскоре я отправился к начальству докладывать о своём избрании.

Это решение оказалось весьма выгодным с денежной точки зрения – в последствии за четыре недели работы нам заплатили где-то по восемьдесят рублей. А бригадирам выплатили в два раза больше. Так я в первый раз заработал, “управляя” трудом других людей.

Колхозные деньги очень быстро закончились, а стипендии тогда хватало только на покупку проездного, да пачку сигарет с фильтром. На остальное уже не оставалось. Родители, конечно, помогали как могли. Но даже это было не просто – пересылать деньги по почте было очень рискованно – однажды мне пришлось ходить за переводом в почтовое отделение каждый день в течение почти трёх недель: каждый раз я наткался на маленькую рукописную табличку “Сегодня выплаты не производятся из-за отсутствия денег в кассе”.

Чтобы избежать подобных ситуаций и уберечься от инфляции, деньги передавали со знакомыми проводниками. По телефону мама говорила какого числа прибывает поезд и в каком вагоне находится нужный проводник с ценным конвертом или даже свёртком с продуктами. А я должен был вовремя прибыть на платформу и получить передачу. Однажды я потерял бумажку с записанными координатами места встречи. Мне пришлось почти час ходить по платформе с небольшим листочком в руках, на котором было написано большими буквами “Алексей Субботин”. Не лучший момент в моей жизни, но запоминающийся!

В один из таких дней я продал свой ваучер – маленький голубоватый листочек бумаги мне выдали в паспортном столе по месту прописки. Так как мы учились в экономическом вузе дебаты о наилучшем применении внезапно свалившегося на наши головы богатства шли не шуточные. Однако, для нас как студентов вариантов использования ваучера было ровно три: отдать родителям, вложить в один из множества сомнительных чековых фондов или продать. Не спрашивая родителей, я выбрал третий вариант, показавшийся мне самым честным – в результате я получил за свою долю имущества великой страны сумму эквивалентную нескольким бутылкам водки. Впрочем, это было хоть что-то, поскольку все “продвинутые” инвесторы, отдавшие свои ваучеры в “инвестиционные” фонды не получили вообще ничего.

Помню, как на первом курсе я впервые увидел доллары. Мои соседи по комнате, двоюродные братья, которых все называли Братья Габс, занялись коммерцией – стали возить сигареты в родную деревню старшего из братьев, которая находилась где-то на дальнем Севере, в трёх днях пути от Питера. Товары понемногу закупались на рынке, потом мы всей тусовкой ездили провожать братьев до поезда, через неделю они возвращались, как правило с деньгами, и устраивали грандиозную пьянку.

Однажды они вернулись с большой пачкой новеньких рублей. Ближе к вечеру, старший из братьев заговорщицким голосом спросил у меня, знаю ли я кого-нибудь, кто смог бы обменять их на доллары. К тому времени мой круг общения был более разнообразным, чем у братьев, поэтому я обещал узнать что к чему. На следующий день, в курилке у туалета я поинтересовался возможностью обмена. Мои знакомые тут же, как заправские менялы, обозначили мне курс, который напрямую зависел от суммы денег, подлежащей обмену. На следующей перемене я донёс эту информацию до старшего из братьев – условия были подходящие, поэтому я был уполномочен организовать сделку.

В назначенный час, перед семинаром по статистике, в кабинет вошли старший Габс и мой приятель с баксами. Я представил их друг другу, ещё раз озвучил условия сделки, для уверенности пересчитав на калькуляторе нужные суммы. После этого последовал обмен купюрами и непосредственно перед звонком оба “бизнесмена” покинули аудиторию. Я занял своё место и тут же поймал на себе пристальный взгляд преподавателя.

Вечером, сидя в комнате, мы пристально рассматривали зелёные бумажки. Тёрли их пальцами, приноживались, просвечивали на свет, складывали цифры в номерах и вчитывались в фамилии президентов и прочие метафизические надписи, которых, надо отметить, на долларовых бумажках было огромное количество.

”Вот они какие, настоящие деньги!” – звучало у меня в голове. Я понимал, что деньги не мои – но сам факт, что я держал в руках настоящую стодолларовую купюру внушал надежду. Братья лучились от счастья, строя планы по удвоению лежавшей перед ними суммы. Однако, вскоре радость сменилась тревогой: “Надо их куда-то спрятать!” – тут же спохватился младший из братьев. “Лёша! Никому ни слова!” – растерянно смотрел он в мою сторону.

“Не беспокойся!” – размеренно ответил я. Пара сотен баксов были явно недостаточны, чтобы привлечь внимание серьёзных преступников. А среди моих знакомых уже были люди, обладавшие определёнными связями среди братвы. Гена, один из моих лучших друзей, живший в общежитии этажом ниже, иногда ездил на большом джипе с бригадой мордворотов, “охраняя” какие-то торговые точки. При этом Гена не только владел чёрным поясом по карате и увлекался кикбоксингом; имея пылливый ум он также постигал “понятия” – тогдашние законы криминального мира.

По вечерам, мы с ним частенько курили у окна в коридоре, обсуждая перипетии студенческой жизни, а также сюрреалистичность происходящего вокруг нас. Долгими вечерами мой друг объяснял мне что означает быть “барыгой”, кто такие “нормальные пацаны”, чем занимается “крыша”. Что можно и что нельзя делать. Как себя вести, если попал под “наезд”. По его словам, до тех пор пока я не сделал ничего предосудительного с точки зрения “понятий” и могу разговаривать на “пацанском” языке, то мне не о чем беспокоиться.

Не помню уже что конкретно на это повлияло: то ли отсутствие первоначального капитала и каналов сбыта, помноженное на понимание всех опасностей, которым подвергался любой коммерсант в те дикие годы, а может просто из-за природной лени, но в тот вечер я решил, что не буду пытаться заниматься торговым бизнесом или навязываться в компаньоны к братьям. Неизвестно откуда взявшийся внутренний голос четко сказал “нет”, даже волшебные зелёные бумажки с портретами пожилых джентльменов, не смогли изменить это решение.

Кстати, жизнь быстренько напомнила мне о близости теории с практикой. Той зимней сессией у нас был зачёт по статистике. В отличие от экзамена, это было довольно формальной процедурой – особенно при условии посещения лекций и семинаров. Однако в тот раз доцент, который вёл семинары по статистике, ни с того, ни с чего, начал мучать меня какими-то каверзными вопросами. В ответ на мой недоумевающий взгляд, он довольно нагло заявил, что за двадцать баксов всё закончится мгновенно.

Я аж присвистнул от неожиданности: “Откуда у меня такие деньги?!”

“А я вас тогда видел, вы доллары в классе меняли!” – не моргнув глазом заявил препод.

“Так это не мои деньги были! У меня вообще ни копейки нет, всё на билет домой потрачено – так что ставьте зачёт, а то придётся нам обоим на кафедру идти!” – терять мне было нечего, а по “понятиям” я был прав.

“Тогда ладно!” – неожиданно быстро сдался “педагог” и размашисто вписал “зачет” в ведомость и мою зачётную книжку.

Вот так мы тогда и учились в Петербурге переходного периода. Город переименовали, в Москве Ельцин расстреливал парламент, Жириновский возглавил крупнейшую партию в Думе, а мы ходили на лекции, пили спирт в общежитии и думали, где бы достать денег.

Устроиться на нормальную работу тогда было невозможно – в связи с полным их отсутствием. Студентов брали либо грузчиками на какие-то склады, либо ночными продавцами в ларьки. Телосложения я тогда был скорее щуплого, и грузчик из меня был, мягко выражаясь, не лучший. А в ночном ларьке вероятность увидеть в окошке ствол или фальшивые деньги была равна девяносто девяти процентам. Рисковать не хотелось.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.